

3. Дзяржаўная праграма «Функцыяніраванне і развіццё культуры Рэспублікі Беларусь да 2005 года» / М-ва культуры Рэсп. Беларусь; навук. рэд. У. Скараходаў. — Мінск: Бел. дзярж. ін-т праблем культуры, 2002. — 64 с.
4. Доклад о развитии человека за 1999. Глобализация с человеческим лицом. — Нью-Йорк: Оксфорд юниверсал пресс, Инк. — 1999. — 263 с.
5. Доклад ООН о развитии человека, 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире / С. Фукуда-парр; пер. с англ. И. Гайдук [и др.] — М.: Весь Мир, — 2004. — 328 с.
6. *Жоголь-Лабзеева, И.* Проблемы культуры духовной жизни сквозь призму социальных структур повседневности / И. Жоголь-Лабзеева // Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси: сб. науч. тр. / НАН Беларуси, Ин-т социологии; редкол.: В. Абушенко (гл. ред.) [и др.]. — Минск: АУАинформ, 2003. — С. 350—354.
7. *Леввервская, Я.* Социологический анализ зрительской аудитории минских кинотеатров / Я. Леввервская // Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси: сб. науч. тр. / НАН Беларуси, Ин-т социологии; редкол.: Г. Евелькин (гл. ред.). — Минск: Технопринт, 2004. — С. 346—362.
8. *Ортега-и-Гассет, Х.* Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с исп. И. Ершовой, М. Смирновой. — М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. — 509 с.
9. *Степин, В.* Эпоха перемен и сценарии будущего / В. Степин. — М.: ИФ РАН, 1996. — 174 с.
10. Человеческий потенциал Беларуси: экономические вызовы и социальные ответы. Национальный отчет о человеческом развитии 2003 / Представительство ООН / ПРООН в Республике Беларусь; рец. А. Кабеков. — Минск: Юнипак, 2003. — 118 с.
12. *McQuail, D.* Mass Communication Theory (4th Ed.) / D. McQuail. — London, UK: SAGE Publications, 2000. — 542 p.

В. В. Сащeko

Белорусский государственный университет культуры и искусств

ИНТЕГРАТИВНЫЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК ОСНОВНАЯ ПАРАДИГМА ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗАПАДА

XX в. не случайно называют «веком культуры». Этнический парадокс — стремление к культурной интеграции, с одной стороны, и этнический сепаратизм, с другой, — стал визитной карточкой XX — нач. XXI ст. Глобальное сближение культур повлекло за собой и глобальные трения: от многочисленных (часто кровавых) конфликтов на этнокультурной почве практически во всех регионах мира до, по определению С. Хантингтона, «столкновения цивилизаций» [7]. Появление во второй половине XX в. новой «философии взаимодействия» (мультикультурализма) можно воспринимать как попытку «ответа» цивилизованного мира на вызов глобализации.

Прежде всего, хотелось бы определить рамки рассматриваемой проблемы. Термин «мультикультурализм» (а также ряд согласующихся с ним концепций и научных подходов) получил развитие по преимуществу в

западных социальных науках, и это не случайно. Стимулом этому послужила специфическая поликультурная обстановка в странах «опережающего развития». Межкультурное напряжение, вызванное решительным изменением демографических и этнокультурных параметров национальных западных обществ, — футурологический прогноз для всех стран западной цивилизационной модели, на сегодняшний день не вовлеченных в эти процессы. Поэтому далее мы будем рассматривать мультикультурализм как попытку преодоления напряжения, в первую очередь, применительно к этим странам. Кроме того, мы не ставим перед собой задачи анализа всей теории, мы обращаемся лишь к одной из ее концептуальных сторон — «интегративному мультикультурализму» [8, с. 881]. Это понятие в наибольшей степени представляет конгениальный диалог культур.

Мультикультурализм в самом общем виде можно дефинировать как мировоззрение (идеологию, теорию), основанное на признании «самоценности культурного разнообразия страны (региона, всего мира) и принципиальной невозможности (недопустимости) ранжирования культур» [4, с. 154]. В то же время мультикультурализм часто понимается как практика общежития культур. Причины этого — изначальный инструментальный характер этой теории¹. Проблемы, побудившие многие страны прибегнуть к практике мультикультурализма, обобщенно можно разделить на две категории — внутренние и внешние. С одной стороны, это сепаратизм и внутрисоциальная нестабильность, с другой, — миграция населения в мировом масштабе. Первая проблема стала для многих стран «домашней», привычной, и с ней худо-бедно, но справляются. Кроме того, сам по себе сепаратизм, угрожая национальной целостности государства, не подрывает основ титульной культуры. Условно говоря, если баски создадут «Суверенную Республику басков», испанцы не перестанут быть испанцами. Гораздо глубже, с точки зрения культурной идентичности, вторая проблема — миграционная.

Если посмотреть на современную Европу, можно смело сказать, что началось великое переселение народов: титульные европейские культуры не просто, как это было ранее, содержат в себе отдельных мигрантов или даже обширные диаспоры, но уже целые «культуры-мигранты» (в основной массе неевропейские). Можно сказать, что столь массивное инокультурное «вливание» — плата за гегемония. Притягательный западный мир, длительное время доминировавший в экономике, науке, технологиях, политике, вооружении, исчерпал свой демографический ресурс. Человеческий фактор стал своеобразным ответом и одновременно вызовом стран третьего мира. «Демографический пессимизм», уже долгое время свойственный ев-

¹ Так, мультикультурную политику противопоставили квебекскому сепаратизму в Канаде, сделали инструментом достижения социального согласия в США, методом поощрения иммиграции рабочей силы в Австралии и Германии.

ропейской цивилизации, с каждым днем становится все сильнее. Недавние сентябрьские события в Испании — попытки нелегальных мигрантов пробиться на испанские территории в Марокко — говорят о том, что «третий мир» уже не просто стремится попасть в Европу: он пытается взять ее штурмом. Можно предположить, что в дальнейшем эти тенденции будут лишь усиливаться, а демографический перевес «неевропейцев» увеличиваться. Мультикультурная теория взаимодействия пытается сегодня адекватно отреагировать на эти явления. Но здесь мы сталкиваемся с существенными «минусами» применения этой теории на практике:

1. Многие принимающие страны *не могут* аккультурировать мигрантов (по причине многочисленности последних), а сами мигранты, вследствие плюральности и либерализма западного общества, уже *не хотят* аккультурироваться.
2. Мультикультурализм, направленный на снятие социокультурной напряженности, не страхует западные страны от эксцессов этнического сепаратизма: достаточно вспомнить теракты в Великобритании, Франции и США. Видимо, одного плюрализма и толерантности принимающей стороны недостаточно.
3. Гуманные компенсаторные меры в некоторых странах, направленные на поддержание мигрантов (денежные пособия, жилье, льготы), привели к возникновению феномена «позитивной дискриминации», когда в определенной мере стало выгодно быть представителем культурного меньшинства. Существенные преимущества на рынке труда и образования зачастую способствовали росту этнической идентичности, а также «геттоизации» мигрантов¹. Во многом это привело к тому, что сами мигранты потеряли стимул к интеграции — им стало не нужно прилагать какие-то серьезные усилия для вхождения в титульное общество.
4. Политика поощрения трудовой миграции, а также предельный плюрализм в отношении культурного разнообразия привели к тому, что уже сегодня многие бастионы западной культуры — Лондон, Париж, Вашингтон, Монреаль, Торонто и многие другие — почти наполовину представлены неевропейской культурой. Невозможность аккультурации столь значительного числа мигрантов в русле национальной культуры приводит, на наш взгляд, к главной проблеме — размыванию идентичности титульной группы, культуры «мейнстрима». Эти проблемы способствовали тому, что сама теория мультикультурализма как поощрения и стимулирования поликультурности сегодня во мно-

¹ В качестве примера можно вспомнить «общезития только для выходцев из Азии, места в студенческих столовых только для чернокожих, радикальный пересмотр гуманитарных учебных программ в университетах, в результате которого культуре «европейцев» полагается количество часов, пропорциональное культуре «индейцев» и других этнических групп» [3].

гом приобрела отрицательную коннотацию, а в консервативных кругах ее вообще стали расценивать как подрыв основ западной цивилизации.

Тем не менее, невзирая на столь существенные недостатки, приток мигрантов неизбежен для стран «первого мира», и, более того, необходим (в первую очередь, в силу экономических потребностей). Кроме того, усложнение национальных государств и глобальное «уплотнение» культур мира неминуемо. Поэтому проводить политику мультикультурализма не просто можно, но и нужно. Однако следует сделать некоторые уточнения ее концептуальной схемы.

Обратимся еще раз к сути этой теории. Условно ее можно представить следующей формулой:

мультикультурализм = культурный плюрализм (полицентризм) + интеграция

Как известно, от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Однако мы полагаем, что специфика мультикультурализма в высшей степени обусловлена тем, какое из слагаемых является базовым. Так, предполагается, что культурный плюрализм в качестве базиса повлечет за собой и интеграцию в национальное сообщество. Но, как показывает практика, именно такая позиция способствует возникновению проблем, которые мы отметили выше. Подобная установка не просто допускает, но и подчеркивает разницу, что во многом противоречит целям интеграции. Кроме того, можно отметить «европоцентричность» (следовательно, односторонность) самой идеи плюрализма и культурного полицентризма. Ведь многие мигранты, прибывающие в светские западные страны, не разделяют их ценностей, и, более того, часто имеют ценности противоположные (обусловленные религиозными воззрениями). В этом случае идеология мультикультурализма может скорее препятствовать формированию гармоничного поликультурного сообщества, подменять демократический плюрализм автономизацией конкурирующих субкультур.

По нашему убеждению, для того, чтобы не допустить расслоения общества на субкультурные анклавы и интенсифицировать межкультурный диалог, основной упор в теории мультикультурализма следует ставить на интегративный компонент. Именно поэтому мы акцентируем наше внимание именно на интегративном мультикультурализме (ибо, как мы отметили выше, на практике эта теория парадоксальным образом может способствовать дезинтеграции). Отметим, что отдавать приоритет интегративному началу следует очень осторожно, избегая «перегибов»: некоторые черты опыта СССР в этом аспекте показывают опасность тотальной интеграционной политики.

Очевидно, что для любой культурной интеграции требуется какая-то основа. Не вызывает сомнений, что для «культур-мигрантов» функцию таковой выполняет принимающая культура, которая берет на себя всю сложность и ответственность за успех интеграции. Поэтому один из постулатов мультикультурализма — о возможности существования в одной стране множества равноценных культур — кажется не вполне обоснованным. Это утверждение обретает вес лишь в том случае, если бытие

множества культур проходит на основе титульной культуры (или «*фоновой культуры*»). Ведь именно она создает основу для сосуществования в одном обществе конгломерата культур. Отказывать такой культуре в определяющей роли в развитии страны и статусно принижать ее до положения субкультуры — не только абсурдно, но и опасно, поскольку тем самым уничтожается фундамент мультикультурализма. Ведь именно средствами фоновой культуры создается общее коммуникативное поле для всех культур. В связи с этим уместно вспомнить теорию «культурной грамотности» Э. Хирша, указавшего на то, что эффективная коммуникация возможна лишь в том случае, если в сознании людей наличествует общее для них фоновое знание — общеизвестная конкретная информация (латентный культурный контекст) [5, с. 98].

Еще раз отметим: в данном случае речь идет о культурах западного образца, а значит о культурах, в своей основе имеющих понятие «государство-нация», главной характеристикой которых является суперэтничность и светскость. Разумеется, любая национальная культура базируется на этнических началах: языке (языках), традиционных моделях социальных отношений и коммуникативных действий и в целом на традиционной культуре. Мы считаем, что для успешной интеграции необходимо присутствие титульной культуры, наиболее фундаментальные ценности которой должны разделять все инокультурные представители.

Однако сохранение титульного статуса за определенной культурой не означает превращение ее представителей в «привилегированных пастырей». Напротив, для поддержания интеграционных процессов необходимо обеспечить равенство возможностей титульной группы и мигрантов, социальные и культурные права которых должны быть защищены. Поскольку социальные и экономические возможности приезжих, как правило, меньше, чем у коренного населения, интегративный мультикультурализм должен выступать как система политико-правовых и культурных мероприятий, осуществляемых государством и направленных на поддержку культур-меньшинств.

Тем не менее, как мы отмечали ранее, для успешной интеграции недостаточно правового плюрализма, толерантности и отказа от ряда преимуществ титульной культуры. Необходимо общее коммуникационное пространство, которое создается на базе титульной культуры и «*о-сваивается*» культурами-мигрантами. Такое «о-своение» предполагает «подстройку» процессов познания под модель, которой пользуется инокультурный представитель. Таким образом, реальной интеграции можно достигнуть лишь на пути критического диалога¹ — взаимного пересмотра культурных позиций (а не односторонних уступок титульной культуры). Культуры-мигранты должны включиться в общесоциальную модель взаимодействия. Образно эту модель интеграции можно срав-

¹ Термин В.А. Лекторского [2, с. 46].

нить с японским домом: общецивилизационного (европейского) вида фасад и этническое внутреннее устройство.

В свою очередь, титульная группа должна вырабатывать определенные вспомогательные стратегии, способствующие включению культур-мигрантов в национальное пространство. По существу речь идет о стратегиях аккультурации. Отметим, что мы, вслед за С.А. Арутюновым, под аккультурацией понимаем не ассимиляционные процессы, а «усвоение, практически полное новой культуры и (или) языка без сколько-нибудь существенного ущерба для старых» [1, с. 120]. Следовательно, речь идет не о растворении одной культуры в составе другой, но о принятии мигрантами общенациональной идентичности при бережном сохранении собственной культурной самобытности. Таким образом, титульная культура предоставляет общее коммуникативное пространство, а культура-мигрант прилагает усилия, чтобы войти в это пространство.

Чтобы не быть голословными, с позиций интегративного мультикультурализма осмелимся предложить некоторые возможные варианты действий по предотвращению автономизации субкультуры:

1. Стратегии аккультурации должны быть направлены в первую очередь на *второе и третье поколение мигрантов*. Такая акцентировка не случайна. Анализ современного терроризма в европейских странах показал, что в террор часто втягиваются дети (иногда внуки) мигрантов. Можно предположить, что эти поколения являются переломными для идентичности, когда осуществляется реальный выбор между мультикультурной и узкоэтнической идентификацией. Следует отметить, что первое поколение мигрантов обладает большим запасом толерантности в связи с тем, что люди прибыли в поисках лучшей жизни и хорошо помнят недостатки и горести «страны исхода». Мы не беремся определять способы привития «фоновых» ценностей мигрантам. Мы лишь полагаем, что ведущую роль в этом должны играть институты образования.

2. Необходимо создать специальные *общества (или ассоциации)*, способствующие более тесному приобщению мигрантов к титульной культуре. Решение посещать такие ассоциации должно приниматься мигрантом добровольно. Однако необходимы поощрительные меры, например, увеличение материальной помощи. В некоторых случаях таким способом может быть решена проблема иждивенчества, когда пособие позволяет некоторым мигрантам не работать (свободное, незаполненное время в некоторых случаях может стать причиной криминализации либо религиозной «фундаментализации» человека). В случае же денежной надбавки мигранты получают «работу» — по освоению новой для них культуры. Финансовые затраты, безусловно, окупятся повышением уровня межэтнической стабильности в обществе.

3. Самая, на наш взгляд, главная задача — пересмотр и разработка особой миграционной политики. Поток мигрантов невозможно остановить, но его необходимо сделать хотя бы отчасти управляемым. Например, возможно переориентировать основной поток мигрантов на те

страны, культурная дистанция с которыми невелика. Но это решение достаточно радикальное. Более реален другой подход. Сегодня четко определились основные «страны-импортеры» мигрантов. На территории этих государств можно создать «культурный анклав» (по аналогии с «анклавом будущего» А. Тоффлера [6, с. 319]) принимающей страны — специальный центр, основная задача которого заключается в адаптации и подготовке потенциальных мигрантов к восприятию новых культурных ценностей¹. Более того, «культурных агентов» для этих целей можно формировать из среды бывших мигрантов. Предположительно, польза от этого двойная. Во-первых, бывшим мигрантам в силу единства культурных корней будет легче найти общий язык с потенциальными мигрантами, что должно увеличить эффективность взаимодействия «на местах». Во-вторых, как известно, идентичность усиливается при сопоставлении себя с другими. «Историческая родина» предстает перед бывшим мигрантом без мифологическо-ностальгического ореола, а как конкретная страна, со многими недостатками и проблемами. У человека появляется дополнительная возможность оценить преимущества принявшей его страны и, как следствие, укрепиться в идентичности с ее культурным сообществом.

В заключение хотелось бы отметить невероятную сложность достижения идеалов мультикультурализма. В каждой конкретной стране мультикультурная политика может проводиться только по-новому, «впервые», а посему невозможно выработать универсальных правил ее проведения. Кроме того, неизбежно культурное сопротивление практическому воплощению этой теории (причем с обеих контактирующих сторон). Это не случайно: механизмы этнической самозащиты, культурной эгологии будут срабатывать до тех пор, пока существуют этнические общности. Так стоит ли в связи с этим проводить мультикультурную политику в обществе? На это можно ответить лишь так, перефразировав крылатое высказывание о демократии У. Черчилля: мультикультурализм — наихудшая политика взаимодействия, лучше которой, однако, человечество пока ничего не придумало.

Литература

1. Арутюнов, С. Народы и культуры: развитие и взаимодействие / С. Арутюнов — М.: Наука, 1989.
2. Лекторский, В. О толерантности, плюрализме и критицизме / В. Лекторский // Вопросы философии. — 1997. — № 11.

¹ Чтобы наше предложение не казалось утопическим, отметим, что сегодня схожая стратегия весьма успешно реализуется Израилем. Методика аккультурации репатриантов достаточно эффективна. Так, гражданин какой-либо страны — хоть и этнический еврей, но в целом с «местной» идентичностью — постепенно, участвуя в жизни культурных еврейских обществ, осваивает знания (которые формируют в сознании представления), необходимые для успешной репатриации и аккультурации в Израиле.

3. Малахов, В. Зачем России мультикультурализм? / В. Малахов // Центр стратегических исследований Приволжского Федерального округа (Государство и антропоток) [Электронный ресурс]. — 2003. — Режим доступа: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a062.htm>.
4. Паин, Э. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России / Э. Паин. — 2-е изд., доп. — М.: Новое издательство, 2004.
5. Садохин, А. Межкультурная коммуникация: учеб. пособие / А. Садохин. — М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004.
6. Тоффлер, А. Футурошок / А. Тоффлер. — СПб.: Лань, 1997.
7. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. — М.: АСТ, 2003.
8. Wiewiorka, M. Is the multiculturalism the solution? / M. Wiewiorka // Ethnic and racial studies. — 1998. — Vol. 21 (5).

І. П. Скрыпко

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў

БЕЛАРУСКАЯ НАЦЫЯНАЛЬНАЯ ІДЭЯ Ў КАНЦЫ ХХ ст.

Вытлумачыць само паняцце «нацыянальная ідэя» даволі складана, паколькі тэрмін гэты ўвайшоў у навуковы ўжытак адносна нядаўна і не паспеў яшчэ дастаткова ўсталявацца. Так, ні ў Вялікай Савецкай Энцыклапедыі, ні ў БелСЭ, ні ў іншых шматлікіх даведніках і энцыклапедыях, выдадзеных да 90-х гадоў ХХ ст., гэтага тэрміну няма. На постсавецкай прасторы ён паўстаў і набыў вялікае распаўсюджанне з-за неабходнасці для новых нацыянальных дзяржаў знаходзіць іншую, адрозную ад савецкай, ідэнтычнасць, ствараць сваю доўгатэрміновую стратэгію існавання ў свеце, што немагчыма без яснага ўсведамлення свайго месца ў гісторыі.

Адразу неабходна сказаць, што «месца ў гісторыі» — паняцце заўжды суб'ектыўнае. Кожная нацыя стварае сваю міфалогію, якая бярэ карані ў фальклоры, гісторыі, мастацтве і якая дапамагае сцвердзіць сваю выключнасць сярод іншых нацый. Прычым выключнасць — не абавязкова зверхнасць. Нацыянальная ідэя заўжды дае адказ на пытанне, чым мы адрозніваемся ад іншых? Вядома, што паняцце «мы» можа быць сфармулявана толькі пасля таго, як з'яўляецца паняцце «яны», калі з'яўляецца супрацьпастаўленне і калі чалавек на пытанне «Хто ты?» можа адказаць: «Я не...»

Калі ўспрымаць нацыянальную ідэю як стрыжань, вакол якога ствараецца і аб'ядноўваецца нацыя, то паняцце «месца ў гісторыі» ў яе ўваходзіць як адна з частак. Такая «гістарычная міфалогія» — канстантны складнік нацыянальнай ідэі. Ён стварае вобраз «нас» у ідэалізаваным, палепшаным выглядзе і дае тое пачуццё, без якога нацыя існаваць не можа, — пачуццё гонару.

Пра гэтае пачуццё трэба сказаць асобна. Любы нацыястваральны элемент так ці інакш падтрымлівае і развівае пачуццё гонару за сваю нацыю ў кожнага яе прадстаўніка. Хай гэта будзе дзяржаўны гімн, нейкі